

Йозеф Фогт

СВОБОДНЫЕ ИСКУССТВА И НЕСВОБОДНЫЕ ЛЮДИ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

МНЕ хотелось бы, чтобы эта статья явилась знаком моей признательности «Вестнику древней истории» в год его юбилея за те многообразные творческие импульсы, которые мне довелось от него получить в ходе работы над исследованием античного рабства. Я приветствую ту особую настойчивость, с какой исследуется эта проблема; ведь, по всей видимости, тот исследователь, который не выпускает из поля зрения рабство как существенный элемент в построении общества, получает возможность как бы просветить рентгеновскими лучами античную культуру.

Принцип, согласно которому определенная часть людей в государстве и обществе лишена свободы и объявлена инструментом господ, настолько чудовищен, что он никогда не мог быть вполне последовательно проведен в греко-римском мире. Постоянно выявлялась необходимость допускать исключения, будь то при внешней угрозе государству, когда рабов призывали к оружию, будь то в домашней жизни, когда несвободным поручались дела, предполагающие полную меру человеческого доверия. Малых детей оставляли на попечение несвободных мамок; подростков — мальчиков и девочек — вверяли несвободным педагогам. В римском мире господин, заболевая, обращался к врачу, который был в большинстве случаев рабом или вольноотпущенником, а политик, оставленный в опасностях гражданских войн всеми своими приверженцами, достаточно часто находил в своем рабе последнего верного товарища. Мне доводилось не раз указывать¹ на эти вынужденные послабления, в которых часто намечались новые пути к человечности. Но область, в пределах которой рабы в римском обществе получали свободу деятельности и приобретали влияние, была еще много шире. Не только надзор за несовершеннолетними или попечение о больных были переданы рабам и вольноотпущенникам, но и воспитание молодежи, распространение общеобразовательных знаний были с определенного времени в основном предоставлены им — *artes liberales* стали их владением.

Известно, что у греков со времен Платона и Аристотеля те науки, которые, как считалось, вели свободных людей к ἀρετή, обозначались как ἐλευθέρια ἐπιστήμαι или ἐλευθέρια μαθήματα. Эти знания, прежде всего грамматика и риторика, служили не добыванию средств к существованию —

¹ J. V o g t, *Sklaverei und Humanität. Studien zur antiken Sklaverei und ihrer Erforschung* («Historia», Einzelschriften, 8), Wiesbaden, 1965.

напротив, они должны были воспитывать юношу для полиса и обеспечить ему духовную самостоятельность как основу жизни свободного человека. Все эти предметы преподавания впоследствии охватывались понятием *ἐγκύκλιος παιδεία*, т. е. общего образования². Римляне с III в. до н. э. переняли эллинистическую систему образования в той форме, какую она приобрела к этому времени. Это произошло среди несогласий и противоборств, в динамическом процессе внедрения чуждой культуры в римское общество³. Знатные римляне брали греков себе в секретари или чтецы, предоставляли своим сыновьям обучаться у греков. Это были по большей части захваченные на войне или купленные на рынке рабы. Когда переходили к общественному преподаванию в школах, учителей часто набирали из несвободных. Люди, которых ввозили с Востока в качестве рабов и у которых при их прибытии еще были выбелены мелом ноги как у предназначенных к продаже, могли быть определены в преподаватели и в случае удачи добиться отпуска на волю и достичь славы, подобно тому Стаберию Эроту, который, согласно преданию, прибыл тем же кораблем, что мимический поэт Публилий Сир и астролог Манилий (Plin., NH, XXXV, 199). Можно сказать, что значительная часть людей умственного труда в Риме с этой поры составляет из несвободных⁴. В начальном образовании рабы были представлены большим числом, но так же точно и в преподавании того предмета, который назывался грамматикой и знакомил с греческим и латинским языками и литературой и открывал путь к учености, а также, наконец, и в риторике, которая могла вывести не только на поприще судебного защитника, но и вообще на дорогу политической карьеры. Подобные условия должны мы предположить и для прочих дисциплин, о представителях которых мы не столь хорошо осведомлены — для всех наук, которые теперь по греческому образцу обозначались как *artes quae sunt libero dignae* (Cic., de or., I, 72). Варрон объединил девять дисциплин в систему, которой суждено было на века стать мерилом для высшего образования: семь традиционных предметов обучения — грамматика, диалектика, риторика, арифметика, геометрия, астрономия и музыка — были дополнены двумя специальными науками — медициной и архитектурой.

То обстоятельство, что преподаватели общеобразовательных дисциплин в течение долгого времени прибывали с чужбины и были выходцами из рабского сословия, делало эту профессию отнюдь не почетной — даже тогда, когда люди из высшего слоя римского общества начали интересоваться наукой грамматики и вступать на поприще преподавания ораторского искусства. «*Intra libertinos praefectores pulcherrimae disciplinae continebantur, et minime probabili more turpe docere, quod honestum erat discere*», — говорит Сенека-ритор (Controv., II, praef., 5). Цицерон, который обстоятельно говорит о сообразности ведения домашнего хозяйства с сословным достоинством, причисляет медицину, архитектуру и преподавание почтенных предметов к профессиям, достойным свободного человека, но при этом он имеет в виду граждан, которые не принадлежат ни к сенаторскому, ни к всадническому сословию (De off., I, 150 сл.). Философ Сенека придает очень большое значение тому,

² H.-I. M a r r o u, Histoire de l'éducation dans l'antiquité, 3e ed., P., 1955; нем. перевод: Freiburg — München, 1957, стр. 260 слл., H. F u c h s, Enkyklios Paideia, «Reallexicon für Antike und Christentum», V, 1962, стб. 365 слл.

³ S. L. U t t s c h e n k o. Der weltanschaulich-politische Kampf in Rom am Vorabend des Sturzes der Republik, B., 1956, стр. 43 слл. [= С. Л. У т ч е н к о, Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения Республики, М., 1952, стр. 53 слл.].

⁴ E. M. Ш т а е р м а н, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, М., 1964, стр. 9; 120 слл.

что плата, которую получает врач или *praeseptor bonarum artium*, должна рассматриваться не как оплата за предоставленные высокие ценности — здоровье или знание свободных наук, — но лишь как вознаграждение (*merces*) за выполненную работу (*De benef.*, VI, 14—16) ⁵. Даже при столь высокой оценке *artes liberales* он, разумеется, рассматривает эти науки как отделенные от философии глубокой пропастью (ер. 88). Таким образом, в Риме и в императорское время связанные с умственным трудом профессии оставались (если не говорить об установленных государством профессурах) в общем малопочтенными и дурно оплачиваемыми, даже если ими занимались свободные люди. Небезосновательно жалуется Ювенал (VII, 157): *nosse volunt omnes, mercedem solvere nemo*.

Такова была ситуация, в которой Светоний — ученый литератор, впоследствии секретарь императорской канцелярии при дворе Адриана, — написал свое сочинение *de viris illustribus*, биографически построенный обзор того, что было создано римлянами в поэзии и красноречии, историографии и философии, грамматики и риторики. Полностью дошла до нас лишь часть, трактующая о грамматиках и риторике (ed. Robinson, P., 1925). Сообщения Светония, касающиеся истории римской филологии и риторики, равно как его многочисленные наброски о грамматиках, нашли широкое применение в древности у Иеронима и далее вплоть до «Суды». И современная наука, когда речь идет о том, чтобы составить реестр всем греческим авторам, писавшим в Риме ⁶, или дать наиболее широкий очерк истории обучения и образования в Риме ⁷, тоже находит здесь для себя строительный материал. Напротив того, тот поразительный факт, что поименованные Светонием грамматики были в подавляющем большинстве рабами или вольноотпущенниками, не дождался еще должного внимания исследователей ⁸. Решительный шаг в этом направлении сделала теперь Е. М. Штаерман ⁹, и результат ее штудий должен, я полагаю, поощрить к исследованию деятельности рабов и вольноотпущенников во всей сфере *liberales artes*. Сейчас как раз исполнилось 150 лет со времени выхода в свет «историко-юридического рассуждения» Даниэля-Теодора Геверса «*De servilis conditionis hominibus artes, litteras et scientias Romae colentibus*» (Lugduni Batavorum, 1816). Здесь собран ценнейший материал, но его следовало бы дополнить и исправить, основываясь на наших нынешних знаниях. Ныне постановка вопроса в исторической науке должна быть направлена прежде всего на то, чтобы выяснить, влияло ли происхождение художников, специалистов и писателей из несвободного сословия на их жизнь и творчество? Такая постановка вопроса была известна уже в древности: написал же во времена Адриана Гермипп из Берита (ἑκδούλος ὦν γένος, согласно «Суде») сочинение περὶ τῶν διαπρεφάντων ἐν παιδείᾳ δούλων ¹⁰.

Сколь плодотворным должно было бы быть подобное рассмотрение в широких рамках *liberales artes*, можно видеть по данным Светония

⁵ Ср. H. S i b e r, *Operae liberales*, «Iherings Jahrbücher», N. F., 52 (1939), стр. 161 слл.; о вознаграждении в свободных искусствах вообще см. A. B e r n a r d, *La rémunération des professions libérales en droit romain*, P., 1935.

⁶ A. H i l l s c h e r, *Hominum litteratorum Graecorum ante Tiberii mortem in urbe Roma commoratorum historia critica*, «Neue Jahrbücher für classische Philologie», Suppl. bd. 19 (1892), стр. 353—444.

⁷ E. J u l l i e n, *Les professeurs de littérature dans l'ancienne Rome*. Thèse, P., 1885, стр. 184 сл.; A. G w y n n, *Roman Education from Cicero to Quintilian*, Oxf., 1926, стр. 31 слл.; M a r r o u n, ук. соч., стр. 389 слл.

⁸ Ср., однако, R. H. B o r r o w, *Slavery in the Roman Empire*, L., 1928, стр. 60 слл. и A. M. D u f f, *Freedmen in the Roman Empire*, Cambr., 1958, стр. 118 слл.

⁹ Ш т а е р м а н, *Расцвет рабовладельческих отношений...*, стр. 120 слл.

¹⁰ H i l l s c h e r, ук. соч., стр. 355, 1.

о грамматике и риторике. Неоспоримо, что вольноотпущенники добились ведущего положения в этой области образования и таким образом оказывали сильное влияние на воспитание римской молодежи. Во времена Цезаря в филологии, в антикварных изысканиях, а также в географической и исторической литературе виднейшее место занимали Марк Антоний Гнифон и Луций Атей Филолог, при Августе здесь блистали Марк Веррий Флакк и Гай Юлий Гигин. Следовало бы попытаться рассмотреть, с какими трудностями и сколь успешно эти поднимающиеся из несвободы люди осваивались в образованном кругу господствующего общества. Мы узнаем, что Корнелий Эпикад дополнил и издал воспоминания своего патрона Суллы (Suet., de gramm., 12), что Ленея, вольноотпущенник Помпея, после его смерти страстно вступился за него в сатире (Suet., de gramm., 15,1), что Атей Филолог выполнял вспомогательную литературную работу для историков Саллюстия и Азиния Поллиона (Suet., de gramm., 10,4). Другие представители этой «интеллигенции», прежде всего выходцы с греческого Востока, оставались при сознании своего превосходства над римлянами в области просвещения и пришли к убеждению, что живущий духовной жизнью человек вообще не может быть порабощен¹¹. Иногда, как кажется, соперничество с аристократами могло приводить выскочек к шокирующе роскошному образу жизни и болезненно преувеличенному чувству собственного достоинства. Так это было с Квинтом Реммием Палеомом, любителем пожить, который разыгрывал роль судьи всех поэтов и поэм и как царек кафедры утверждал, что литературная наука с ним родилась, с ним и умрет (Suet., de gramm., 23). Конечно, этому Палеону, сыну рабыни, было легче, чем многим другим, порвать со старой преподавательской традицией и включить в школьный курс новых писателей, как это сделал уже до него Квинт Цецилий Эпирот, такой же вольноотпущенник, разбиравший в своих лекциях Вергилия и новых поэтов (Suet., de gramm., 16,2).

Что касается прочих свободных искусств, то историками права Ф. М. Де Робертисом, Ж. Макероном, и Д. Нерром недавно выполнены значительные работы, посвященные правовому положению умственного труда. Мы располагаем также просопографическими исследованиями, которые показывают удельный вес рабов и вольноотпущенников в отдельных профессиональных отраслях, как-то — среди врачей¹², среди архитекторов¹³, среди музыкантов¹⁴. Смеем ли мы надеяться, что найдет своего исследователя и вопрос о том, можно ли выявить в практике и профессиональной этике врачей, в творчестве художников нечто от опыта, приобретенного этими людьми на пути от рабства к свободе? Пусть не говорят, что поиски были бы напрасны. Ведь и в поэзии римлян такие жизненные судьбы оставили свой след, особенно к концу Республики и во времена

¹¹ Е. М. Ш т а е р м а н, «Рабский вопрос» в Римской империи, ВДИ, 1965, № 1, стр. 69; 78.

¹² Н. G u m m e r u s, Der Arztstand im römischen Reich nach den Inschriften, «Soc. Scient. Fenn., Comm. Hum. Litt.», II, 6 (1932); К. Н. B e l o w, Der Arzt im römischen Recht, «Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte», 37 (1953). Ср. также А. G e r v a i s, Que pensait-on des médecins dans l'ancienne Rome, «Bull. Assoc. Budé», 1964, стр. 197 слл.

¹³ I. C a l a b i L i m e n t a n i, Studi sulla società Romana. Il lavoro artistico, Milano — Varese, 1958.

¹⁴ R. B e n z, Unfreie Menschen als Musiker und Schauspieler in der römischen Welt, Tübingen, 1961 (диссертация, машинопись). Здесь следует указать также на два больших труда, посвященных вопросу о рабах и вольноотпущенниках на императорской службе: G. B o u l v e r t, Les esclaves et les affranchis impériaux sous le haut-empire romain. Thèse pour le doctorat en droit, Aix-en-Provence, 1964; H. C h a n t r a i n e, Freigelassene und Sklaven im Dienst der römischen Kaiser. Studien zu ihrer Nomenklatur («Forschungen zur antiken Sklaverei», 1), Wiesbaden, 1967.

ранней Империи. Публилий Сир, подобно некоторым другим римским рабам, был введен в мир науки и искусства и как пользовавшийся успехом поэт добился свободы. В сохранных нам сентенциях (rec. G. Meyer, Lpz, 1880) он дает советы, как жить порядочным человеком, обращенные то к свободным, то к рабам. С полным основанием было отмечено, что его образ мыслей представляет собой редкостную смесь твердого самоуважения трудящегося человека и покладистой послушливости зависимого служащего¹⁵. Так, стих «Qui invitus servit, fit miser servit tamen» (564) стоит у него рядом с другими: «Occidi est pulchrum, ignominiose ubi servias» (443). Но всего показательнее его язык, в котором понятия, заимствованные из сферы рабского существования, употребляются для обозначения и выражения жизненных обстоятельств и основных житейских правил, применимых ко всем людям, в том числе и свободным. Предостережение чересчур уступчивым: «Mansueta tutiora sunt, sed serviunt» (373); служение отечеству: «Populi est mancipium, quisquis patriae est utilis» (471); нравственные узы «Pudorem habere servitus quodammodo est» (490). Было бы благодарной задачей попытаться реконструировать рабскую речь латиноязычного мира.

В заключение позволю себе указать еще на басни Федра. Общеизвестно, что басенная поэзия со времени своего возникновения позволяет маленькому человеку говорить против сильных мира, что она с ее вымышленными историями несет в себе сильное устремление к социальной критике. Греки сделали Эзопа творцом подобной поэзии и подобной мудрости и представили его рабом. О Федре нам достоверно известно только то, что он был вольноотпущенником императора и в своем творчестве вполне сознательно хотел подражать Эзопу. Мы не будем касаться здесь спорных вопросов — о времени его жизни, о его различных сочинениях и о политических намеках в его баснях¹⁶. Бесспорно, что в его баснях, которые близки популярно-философским проповедям, можно распознавать образ мыслей низших слоев: уважение к ручному труду, к честности бедного человека¹⁷. Поэт прямо говорит, что вся басенная поэзия ведет свою родословную от рабского сословия и что с пониманием этого путь к духовной независимости открывается каждому. Афиняне, как узнаем мы из последнего стихотворения второй книги (II, 9, 1—4, rec. I. P. Postgate, Oxf., 1919), поставили поэту памятник, причем поэт прямо назван рабом: «Patere honoris scirent cuncti viam | nec generi tribui sed virtuti gloriam». Из того же источника человеческого опыта происходит сознание собственного достоинства нашего поэта, который в прологе третьей книги признается, что посвятил свою жизнь Музам и изгнал из своего сердца всякое корыстолюбие. Обобщая, он разъясняет здесь (33 слл.), что человек, угнетенный несвободой, не смеявший высказать свое мнение, выражал свои чувства в басне.

Итак, оба рабских поэта сходятся на том, что образование делает зависимого человека свободным и позволяет ему осознать свое превосходство:

Федр (IV, 22,1): «Homo doctus in se semper divitias habet».

Публилий (544): «Qui doctè servit partem dominatus tenet».

¹⁵ E. M. Scht a j e r m a n, Die Krise der Sklavenhalterordnung im Westen des römischen Reiches, B., 1964, стр. 67 сл., 116 сл. [= Е. М. Ш т а е р м а н, Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи, М., 1957, стр. 73 сл., 128 сл.]

¹⁶ Об этом см. L. H e r m a n n, Phèdre et ses fables, Leiden, 1950.

¹⁷ Scht a j e r m a n, Die Krise..., стр. 114 слл. [= Ш т а е р м а н, Кризис..., стр. 126 слл.]

Пусть же исследователь, предпринимающий новые изыскания о творчестве рабов и вольноотпущенников в области свободных искусств, всегда помнит об этой максиме.

FREE ARTS AND UNFREE PEOPLE IN ANCIENT ROME

by Joseph Vogt

The student who sees slavery in antiquity as a vital element in the structure of society, is equipped, as it were, with a Roentgen ray with which to illuminate ancient culture.

There were certain spheres of Roman society within which slaves (and freedmen) acquired a definite influence. Beginning with the third century B. C. the Romans adopted the Hellenistic system of education with its array of sciences the study of which, it was believed, led a free man to ἀρετή, prepared a youth for statesmanship. The teachers of these *artes quae sunt libero dignae* (Gr. ἐλευθέρια μαθήματα), those who became the bearers of the hitherto alien culture which now took root in Roman society, were Greeks. They came to Rome as slaves and became, with luck, freedmen. This fact prejudiced the Romans against the intellectual professions for a long time, but it also gave to freedmen a dominant position in the field of teaching *artes liberales* and permitted them to exercise a strong influence on the education of the Roman youth. Historians have still to investigate the role played by slaves and freedmen in the sphere of *artes liberales*. For their activities as grammarians and rhetoricians we have the evidence of Suetonius (*de vir. ill.*). We can see the relative importance of slaves and freedmen among physicians, architects and musicians. The question is, in the actual practice of the professions—in medical ethics, in the work of artists—can something be discerned of the experience gained by these people as they made their way from slavery to freedom? In the poetry of the Romans, at any rate, such experiences have left their traces (Publius Syrus, Phaedrus), and we may note, among other observations, the idea expressed by poets who had been through slavery that education makes the bondsman free and able to perceive his own excellence.
